

Наталья Тимофеева

*Ветер
с Севера*

СТИХИ

Наталья Тимофеева
Ветер с Севера. Стихи

«Издательские решения»

Тимофеева Н.

Ветер с Севера. Стихи / Н. Тимофеева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852908-5

Здравствуйте, дорогие читатели. Заранее прошу прощения, если кому-то не понравится резкость, с которой я пишу о вещах, волнующих меня особым образом. Во мне столько же дворянского, сколько крестьянского, поэтому иногда я даю себе волю сорваться с цепи благоразумия. Но я уверяю вас, что во мне нет ни гордыни, ни желания выделиться, — ничего, кроме боли за свою страну и отчаянного желания изменить её в лучшую сторону.

ISBN 978-5-44-852908-5

© Тимофеева Н.
© Издательские решения

Содержание

«Стареющий месяц не стал дожидаться рассвета...»	7
«Золотая бабочка огня...»	8
«Своих тиранов чувствуя и пестуя...»	9
«Ночного ветра сонный шелест...»	11
«Даль подпёрта с севера горой...»	12
«Вновь затихает жизни кровотоки...»	14
Не читайте стихи драконам	15
Баллада о герое страны Советов	16
«Закатный луч прорезал облака...»	19
«Не мешаю сна и яви...»	20
Два экспромта	21
«В тело ночи луч серебряный...»	22
«Холопам невдомёк, за что дерутся баре...»	23
«И чем поганее урод...»	24
Кедрову и Аль	25
«Молчишь, душа? Ты – пленница телес...»	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

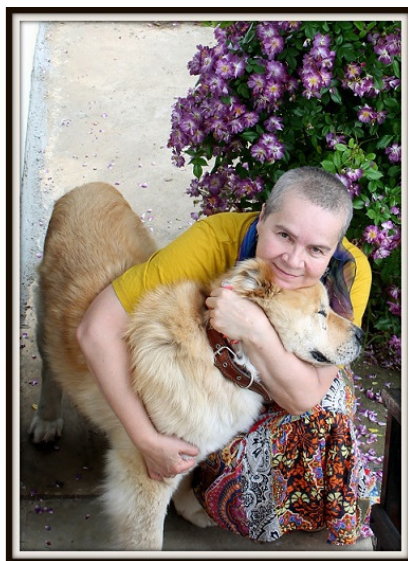
Ветер с Севера Стихи

Наталья Тимофеева

© Наталья Тимофеева, 2017

ISBN 978-5-4485-2908-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогие читатели! Вы открыли мою девятую книгу. Хочу немного рассказать вам о своём житье-бытье в срединной Болгарии. Кто знаком со мной ещё по России, тот в курсе, по какой причине мне пришлось покинуть Родину.

Окидывая взглядом своё прошлое и прошлое моей семьи, я вижу, что ничего случайного в этой жизни нет. Почему именно Болгария? Разве вспоминала я в момент нависшей надо мной опасности своего далёкого предка, генерала от инфантерии, освобождавшего Болгарию от турецкого ига? Конечно нет. Но пути Господние неисповедимы, и в своём новом доме я нашла и любовь, и уважение окружающих, и православие, не заражённое проказой экуменизма, как будто при помощи угрозы убийства и последующего лишения жилища меня просто выпихнули из страшного болота, в которое погружается сегодня Россия.

Когда-то я была пионеркой и комсомолкой, верила в светлое будущее своей страны и думала, что ханжество и враньё вполне излечимы, стоит только захотеть, – меня всегда угнетало расхождение поведения людей с догмами морали, несущимися из окружающего пространства, – однако и до, и после перестройки всё становилось плачевнее с каждым новым «реформатором». Люди, не способные управлять огромной страной, вставали у руля исключительно для обогащения, им с самого начала было наплевать на народ, который они воспринимали только как инструмент для воплощения своих людоедских планов.

Вы скажете, что теория «золотого миллиарда» бытует исключительно в странах Запада? Откройте глаза, она существует повсеместно. Наше правительство не способно противостоять тем силам, которые заняты утилизацией народа на земном шаре, а утилизировать Россию надо так, чтобы люди даже не почувствовали, откуда идёт опасность, ведь русские – самый непо-

корный народ в мире. Скажите мне, ругающие Европу и Америку, и ждущие их развала ни сегодня, так завтра, почему дети нашей олигархической «элиты» живут и учатся за рубежом, и там же находятся наворованные капиталы их родителей, имеющих двойное и тройное гражданство? Это главный сигнал для тех, кто умеет думать, что тут дело нечисто.

Хочу ещё сказать о предательстве Патриарха Гундяева, который пустил в Россию иезуитов. Веками Ватикан пытался завладеть душами православных христиан и веками он терпел поражение. Несокрушимость веры Христовой старались уничтожить коммунисты, но у них тоже ничего не вышло, несмотря на сжигание икон и реликвий, разворовывание и разрушение намоленных святынь. И вот теперь в наших храмах совершаются совместные с католиками богослужения, а Папу и вовсе называют «братом» во Христе в отрицание Святоотеческого Предания. Повсеместно в церквях устраиваются концерты, спектакли и цирковые представления, которые благословил Патриарх. Кто же он, этот торговец сигаретами и алкоголем, как это вообще стало возможным, чтобы на святой Руси совершались подобные кощунства? Почему люди молчат?

В течение 100 лет богоборческая власть подменяла понятия в умах и душах людей, которые если чего и боялись, так это повторения революции или войны, и вот змей в образе человека стал соблазнять их «миром» всеобщим, лишённым такой опасности. Редкое священство, которое пытается возражать и не поминать на литургии отступника, изгоняется из приходов, лишается сана. И опять народ молчит.

А всё дело в том, что молчать удобно, для этого не надо совершать никаких подвигов во имя Бога, или разума, или тех же собственных потомков, знай себе переваривай хлеб и зрелища, которые кидают сверху вместе с бредовыми идеями, развращающими массовое сознание. Это и есть регресс, вырождение нации. Оно было давно подготовлено и находится в стадии своего завершения. Я с грустью думаю о том, что поэзия, как таковая, нужна единицам. Но это огромное счастье, что во время всеобщего пожара кто-то ещё читает стихи!

Мне повезло больше, чем кому бы то ни было, я живу на земле. Мой сад, посаженный собственными руками четыре года назад, начал плодоносить, и это радует моё сердце. Розы цветут и наполняют ароматом мою светёлку. Кошки ловят ящериц и мышей, собаки охраняют дом, который не запирается, как было когда-то на Руси. Я не испытываю ностальгии по Родине, так как воспринимаю мир временным жилищем, а там, откуда я приехала, у меня ничего не осталось. У детей своя жизнь, друзья борются с обстоятельствами, но ни те, ни другие меня не забывают, и спасибо им за это.

Здесь бывают праздники, в которых я принимаю участие в роли фотографа.

Не верьте тем, кто ругает Болгарию и её народ, люди здесь открытые и отзывчивые, земля щедрая, а страна – божественной красоты.

Слава Богу за всё.

Наталья Тимофеева, Болгария, июнь, 2017 год

«Стареющий месяц не стал дожидаться рассвета...»

Стареющий месяц не стал дожидаться рассвета,
Скатился на саночках в снег серебристой слезой.
Собаки залаяли сонно, приняв эстафету,
Включая стаккато в шакалий простуженный вой.

С горы помертвелой туман удалялся неспешно,
Чуть брезжащей синью разбавив своё молоко.
А ветер касался щеки моей хладно-безгрешно,
Хотя он давно был прекрасно со мною знаком.

Хрустящею корочкой наледь ложилась под ноги,
И таяли звёзды, в морозном эфире дрожа...
И так нереально мечталось о Божьем чертоге,
Что мира, забывшего Бога, казалось, не жаль.

Да только надежда толкалась под сердце живое, —
Как солнце, взойдёт светлый разум всему вопреки...
Но вторили глотки собачьи шакальему вою,
И тени густились черно у замёрзшей реки.

«Золотая бабочка огня...»

Золотая бабочка огня
На луче рассвета мне на щёку
Опустилась. Выбрало меня
Солнечное ласковое око
Средь полей пустующих и нив,
На дождями вымытой дороге
И, теплом последним утолив,
Осветило горные отроги.
Я брела на этот чистый свет
Утонуть в слепящем мирозданье,
Где не знает времени примет
Божие великое Сознание,
Где материй движутся пласты,
Где спирально кружатся светила...
Где законы логики просты,
Я бы все печали позабыла.
Золотая бабочка огня
Ласково пощекотала кожу
И за тучей скрылась от меня...
Дай мне сил, всемилостивый Боже,
Не споткнуться, не свернуть с пути,
До конца остаться человеком,
Посланные тяготы снести
И не слиться с кровожадным веком,
Не сойти с ума меж этих тел,
Что лишились совести и меры,
И от чьих бесславных подлых дел
Явственней стал адов запах серы.
Дай мне, Боже, мудрости Твоей
И великодушного терпенья,
Не ропща, остаться меж людей
Единицей Божьего творенья!

«Своих тиранов чествуя и пестуя...»

Своих тиранов чествуя и пестуя,
На кухоньках ругаясь втихаря,
Россия стала чёртовой невестою,
Судьбу за «миру-мир» благодаря.

А бог её кровавый там, на площади,
С бородкою козлиной, в кепаре,
Давно протухший, маленький, солощевый,
Лежит с какой-то химией в нутре.

Другой, – расстрельщик с трубочкой заветною, —
Рябой и сухорукий людоед,
Очаровал всех блажью несусветною
Топить в слезах и крови белый свет.

А третий прост был до самозабвения,
Одним ботинком всех перепугал.
Без щучьего благого помышления
Он кукурузой землю засеивал.

Но тоже был с пороками и сроками
(Им всем расстрелы нравились весьма).
Они в подвальных казнях были доками,
Сходя от крови пролитой с ума.

Четвёртый (не в пример им) был порядочный,
С речами не согласных не имел.
Дурдом при нём был полосой посадочной
Для тех, кто сам собою не владел.

Потом два полумёртвых, после меченый,
Ещё алкаш, профукавший страну,
И им самим бандит на царство венчанный.
Как только Русь не канула ко дну!

Потом один малыш весёлый с гаджетом,
Опять повтор, а может быть, анкор...
Никто ему не скажет: «Ну и гад же ты!»
Хоть он рулит страной до сих пор.

Жива и зреет в недрах революция,
Имеет Молох зверский аппетит.
Аннексия, грабёж и проституция
Ещё не раз России предстоит.

Народ у нас повывелся, повывелся,
На голову маленько ослабел.
Хотя от вши барачной вроде вымылся,
Но вот свободным стать он не сумел.

Ни анекдотов, ни мечтаний благостных,
Ни разноцветных мыльных пузырей...
Народ молчит и в ожиданиях тягостных
Становится завистливей и злей.

Не спит Россия, пучится и мучится
От либеральной швали нет житья.
Когда же всё же что-нибудь получится
Из нас с тобою, Родина моя!

Гиперборея, берег зачарованный,
Красивый и богатый гордый край,
В снега и недомыслие закованный,
Прошу тебя, молю, не умирай!

«Ночного ветра сонный шелест...»

Ночного ветра сонный шелест
Сливался с каплями дождя.
Шли тучи пегие на нерест,
На юг неспешно уходя.

Сшибались громы, словно камни,
Катился по небу разряд,
И молнии втыкались в ставни
Так, будто дерево кроят,

И, рассекая сумрак светом
Лишь на один кратчайший миг,
Их нити пеленали лето.
Свет хаотичен был и дик,

Змеился он в объятьях мрака,
Пока к земле припасть летел...
А дождик над селеньем плакал,
И лист под ветром шелестел.

«Даль подпёрта с севера горой...»

Даль подпёрта с севера горой,
Ширь ушла на юг, за горизонт...
Кто назвал Болгарию дырой,
Те явили свой дешёвый «понт».
Здесь, в скалистых прячась берегах,
Реки не кисельные текут,
Небеса качают стаи птах,
А леса покоят свой уют.
Бог творил прекрасный этот край
Для людей, чьи помыслы чисты.
Собирали люди урожай
И молились в недрах красоты.
А потом сюда пришла беда
И владела пять веков страной,
Чтобы позабыли навсегда
Люди о душе своей живой.
Но в лощинах пели родники
И питали памятью своей,
И слагали песни старики
О былом величии царей,
О свободе, о полёте стрел...
Выжила страна, не умерла.
Дух её под спудом не истлел, —
Рядом с Русью снова ожила.
Государя русского хваля,
В храмах поминая и в домах,
Чтит его болгарская земля,
И солдат погибших наших прах.
Но упрёков много в адрес тех,
Кто «добро», как будто, «позабыв»,
Совершил «ужасный тяжкий грех»
И ушёл в негаданный отрыв
От России в сторону «врагов»,
Став от них, спасителей, далёк...
Говоря немало горьких слов,
Вырывают близости росток.
Не спасали деды их болгар,
Благородства нет у них в крови,
Их патриотизм, увы, пиар,
В душах нет ни правды, ни любви.
Присягали русскому царю,
А не комиссарам. Ну, так что ж?
Я сама от злобы не горю,
Только тошно мне от этих рож.
Мастера былых заплечных дел

Все ль почили в бозе у стены
Меж других полуистлевших тел
Под зубцами проданной страны?
Внуки в отражённом свете звёзд,
Что кровавым цветом налились,
Ладят в царство будущего мост,
Где кострища адовы зажглись?
Не пора ли нам признаться всем,
Что нельзя построить на костях
Новых смыслов и духовных стен
В предками завещанных краях!
Только покаяние из тьмы
Выведет Россию к небесам.
А пока что к крепости тюрьмы
Кормчие приделали леса.
Не пенять Болгарии, а вновь
Разобраться в собственной беде
Призывает Божия любовь
Нас, погрязших в распрях и вражде.
Красных флагов, звонкогласых труб
Канули в былое времена.
Сколько ветер нацелует губ,
Чья молитва Господу слышна?

«Вновь затихает жизни кровотоков...»

Вновь затихает жизни кровотоков
Под низким небом в уходящей неге.
Листою павшей полон водосток,
Неярко солнце. В облачном разбеге
Проглядывает нежная эмаль,
Чуть тронутая дымкою белёсой,
И речки остывающий хрусталь
Ив отражает спутанные косы,
Седеющие в кущах сентября.
Кузнечики умолкли в жухлых травах,
И ветры, тленным золотом соря,
Гуляют в увядающих дубравах.
И каждый день приносит новый тон
Звучания симфонии пространства,
И кутается в алый илитон,
Старая, осень с ленным постоянством.

Не читайте стихи драконам

*Исповедь дракона
«Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам».*

Николай Гумилев

*«И приходят ко мне драконы,
Чтобы я им читал стихи».*

Виктор Шендрик

*Я чудовище, я химера,
Всяким аспидам не чета.
Я знаком был с самим Гомером,
Помню, эпос он мне читал.*

Андрей Шталь

Не читайте стихи драконам,
У драконов своя маржа.
Не внимают драконы стонам,
Жрут без вилки и без ножа.

Если сунуть дракону в морду
Графомана, макнув в компот,
Он, пожалуй, другую моду
У себя в норе заведёт.

Станет соусов ждать и специй,
Будет пробовать мозжечок,
Нюхать, прежде чем разговеться, —
Съесть поэцкий окорочок.

Я держусь от драконов дале,
Не мозолю драконьих глаз.
На моём престарелом сале
Не жиреть им на этот раз.

Только знаю, настанет время,
И драконы пойдут вабанк,
И дожрут графоманов племя,
Даже тех, кто залезет в танк.

Хрустнут кости, и брызнут слёзы,
Взвоят страшно поэцкий род...
Стихотворческие некрозы
Бог драконами приберёт.

Баллада о герое страны Советов

Он рубил иконы дедовы,
Занося топор с плеча.
Он заветам свято следовал
Дорогого Ильича.
Разлеталось в щепы дерево,
Разрывая Божий лик.
На лице – гримаса зверева,
Из груди – утробный рык.
В чёрной ряске, в жёлтых поручах,
С панагией на груди
За крылечные за поручни
Удержись, не упади,
Отче, сын твой обезумевший
Так встречает волчий век.
Без любви, навеки умершей,
Стал бездушным человек.
Никакого рода-племени,
Отмежёванный во ад,
Бьёт Спасителя по темени
И своей потехе рад!
Крестит часто чадо батюшка,
Да читает «Отче наш»,
Попадья в холщовом платишке
Плачет... Ей сыновний раж
Страшен так, что жить не хочется,
Он последыш у неё,
Без Отечества, без отчества,
Раз родители – вражьё...
Приписал годочки в метрику
И – на Финскую войну.
Ты в пятнадцать лет попетри-ка
Про чужую сторону,
Да про смерть, что рядом скалится,
Но, какой там уговор...
Помер поп, устав печалиться,
А сынок во весь опор —
В коммунисты и военные.
Говорили, – вышел толк.
У идей бывают пленные,
Если с детства разум смолк.
Жил, да был, гордясь профессией,
Грудь в медалях-орденах...
Пионеры – с фотосессией...
В живопырке фикус чах,
Собачонка, как у матери,

За стеной – базар, вокзал,
Да соседи в пьянках спятили
Со скандала – на скандал.
С финской – хворь, с японской – заповедь, —
Серп и молот на века.
Сколько можно жизнь откладывать, —
Слишком долгие срока
Патриотам не положены, —
Коммунизма не видать.
Про ориентиры ложные
Коммунисту ль толковать!
Старым стал герой сражения
И с роднёй, и со страной.
Ильичёвы откровения
Перечитывал порой...
Сколько судеб в топку брошено,
Он не думал никогда,
Посещал лишь страх непрошено,
Да летели вдаль года.
С Богом свёл он счёты в юности,
Раскидал детей и жён.
Лишь воспоминанья сунутся,
Против них вооружён
Он бутылкой с горячительным, —
Стар, но печень – хоть куда...
Мир за дверью поразительным
Стал нежданно, борода
Отросла у баек благостных
Про бесплатную халву,
И всеобщих шествий радостных
Больше нету наяву.
И на гроб, увы, не скоплено,
И товарищи в земле,
Время съёжилось, оскоплено,
Пулей сплющилось в стволе.
Всё прошло, лишь злость жива ещё,
Неразменна, как пятак,
Да обида холощёная,
Что судьбу отдал затак.
Жить войной, вернувшись в прошлое?
Где у будущего прок?
Ничего вокруг хорошего,
Пустота его итог.
Не случилось счастья общего,
Снится старцу вечный бой...
Кошелек реальность тощего
Обеспечена судьбой.
Те, кто канули, кто минули,
Те счастливей во сто крат!

Коль при жизни душу вынули,
То не надо и наград.
В День Победы вышел с гордостью,
Нацепив «иконостас»,
И пошёл знакомой волостью,
Восхищая чей-то глаз.
Но нежданно и негаданно
Он пропал средь бела дня
Вместе с формою парадною,
С орденами. Западня
Уготована была ему
После всех земных побед
Не последнему, не первому...
Знать, героев больше нет.
Ордена бандиты продали,
Да купили наркоты.
В морге даже честь не отдали,
И безвестному цветы
Не принёс никто, и с бомжами
Лёг в могилу дворянин.
Про него легенд не сложено,
Не написано картин.
В забытьи страна огромная
Мчит, неведомо куда,
В пост Великий ест скромное,
И беда ей – не беда.
И, порой впадая в крайности
От величия до зла,
От падения до святости,
От мороза до тепла,
Не жалеет крови Родина
Сыновей своих ничуть.
Много терний ею пройдено,
Отдохнёт когда-нибудь....

«Закатный луч прорезал облака...»

Закатный луч прорезал облака
С блистающим серебряным подбоем,
И потекла неспешная река
Звучания под облачным покоем, —
Кузнечиков многоголосый хор,
Фазаний крик, далёкий вой шакала...
И ароматы, полонив простор,
Качнули воздух, как в плену фиала
Хмельной глоток, не допитый до дна,
Вобравший невозвратное дыханье...
И отражённой аlostью вина
Пролил закат прощальное сиянье.
И пала ночь, прохладна и тиха.
Она с горы прокралась чёрной тенью, —
Предвестница молчанья и греха,
И антипод мирскому всепрощенью.

«Не мешаю сна и яви...»

Не мешаю сна и яви,
Не вмещаю в разум бреда.
Жизнь иль до смерти отравит,
Или даст идти к победам.

Время давит мне на плечи
Сверху. Холодно и смутно.
Мне в ночи укрыться нечем.
Жду восхода поминутно.

Даль теряется в тумане,
Но пряма моя дорога.
Кровь давно свернулась в ране,
Там её совсем немного.

Пусть меня не ищут тени,
Что в расщелинах таятся.
Не боюсь разбить колени,
Не боюсь поранить пальцы.

Что-то будет очень скоро,
Невозвратное, как годы,
И мои впитают поры
Всё звучанье небосвода...

Два экспромта

Наивно думает природа в неравной битве устоять,
Она приметы пишет года всё в ту же в старую тетрадь,
Но всё по-новому грохочет, сдвигают плиты литосфер
Вулканов вырвавшийся кочет и пленник ада – Люцифер.
И человечество рыдает перед открывшейся бедой,
На вероятностях гадают, огнём гонимо и водой.
Где выжить нам, бежав от мести земли, загаженной людьми?
Ни по отдельности, ни вместе от чаш не спрятаться семи,
От труб не скрыться и печатей, и от расплаты не уйти.
Увы, похожи мы на татей, что встали жизни на пути.
Живём, как нам диктуют черти, забыв о собственном Творце,
И гибнем в вечной круговерти с дурацкой миной на лице.
Мы делим землю, словно блохи, что делят кошек и собак,
И наши судьбы злые плохи, и не меняются никак.
Четвёртый ангел с ликом строгим давненько время обогнал
И людям сырим и убогим несчастный жребий обещал.
*

Катастрофу сознания нации видно в каждой второй публикации.
От чего мне не страшно за нацию? Предпочтёт она праву –
люстрацию.
Вновь в последних толчках эволюции зародились ростки
революции.
У одних – недород и апатия, у других – без ума демократия.
Что же делать, опять меня спросите, я отвечу: «Что сеяли, косите!
У безбожников мысли кургузые, блуд вы все называете узами,
Воровство называете правилом, что когда-то ворьё прокартавило,
Что ж теперь вы по прошлому плачете и ужасные вирши фигачите?
Нет пророков в отечестве варваров, где старушки раскрашены
шмарово,
Где мужчины привыкли крысятничать, а девицы за деньги
развратничать!
Вы язык свой теряете истово, бьёте Русь нашу в сердце без
выстрела».

«В тело ночи луч серебряный...»

В тело ночи луч серебряный
Воткнут, будто ведьме в грудь.
Ветер, крадучись, потерянный
Перемётный ищет путь.
Стонет, сетует и ластится,
И листают листья медь...
Тучей склон холмистый застится,
А за ним таится смерть.
Там клокочет сила грозная, —
Копит чашу гнева гром.
И закидывает гроздьями молний
Небо – чёрный холм.
Не хочу бежать и прятаться,
Страх забыла я давно.
Боль, устав в душе царапаться,
Стала с небом заодно.
Обречённость мира хрупкого,
Невозвратной жизни миг,
Ночь, зловеще-неподкупная,
Нереальный лунный лик...

«Холопам невдомёк, за что дерутся баре...»

Холопам невдомёк, за что дерутся баре,
Им выжить бы, да вот, то голод, то разор.
А наверху гудят, там тварей всех по паре,
Им тоже невдомёк, почто меж быдла мор.

Как в банке пауки, сосущие кровянку,
Пустив страну под нож, друг друга теребят.
За жирные куски, за Богову делянку
Грызутся, словно псы, уже сто лет подряд.

Терпила из терпил наш добрый русский Ваня,
Ему под стать жена, что Манею зовут.
Когда восстанет он, тогда конец и грянет,
Прихлопнет медный таз сей *лядский институт.

Трусливые умы, правители без чести,
Во лжи и воровстве погрязшие мужи,
А вам не надоел весь этот бег на месте?
Ведь вас опять толпа поднимет на ножи.

Считаете себя элитой и богами?
Мол, на Руси дурак – творец плохих дорог?
Но ждёт вас, как и всех, свидание с червями,
Что натворили здесь, то ТАМ рассудит Бог.

«И чем поганее урод...»

И чем поганее урод,
Чем громче лжи городит веще,
Тем больше чтит его народ
И, восхищаясь, рукоплещет.

Когда задавит, как клопа,
Владыка охлос неразумный,
Когда державная стопа
Покинет этот мир безумный,

Тогда остатки, уцелев,
Вновь возопят ему «осанну»
И станут клясться нараспев,
Что он дарил им мёд и манну.

Кедрову и Аль

Стареющие нимфы и альфонсы,
Беззубые тупые борзописцы
Ваяют рифмы вроде бы для форса,
Являя миру сморщенные лица,
Но так мечтают оказаться в Лете
И поразить народ кудрявым слогом, —
Бабуленька в малиновом берете,
Дедулечка в лапсердаке убогом.
И души их – заплатка на заплате,
И квашеной капустой тащит густо,
Когда бы они были на зарплате,
Они б морили всех талантов дустом.
Теперь они все члены и членессы,
Дорвавшись до тусовок и союзов, —
Потрёпанные годами мэтрессы
И мэтры с обозначившимся пузом.
Они под локотки друг друга держат,
Они под зад пихают самых верных,
Лишь от зубных протезов лязг и скрежет...
Их мир стоит на стервецах и стервах.
А что язык, он дураку в подспорье,
Емеля ведь молол без остановки...
Имеем мы в стране такое горе,
Увы, – литературные тусовки.

«Молчишь, душа? Ты – пленница телес...»

Молчишь, душа? Ты – пленница телес,
А тело есть заложник притяженья.
В него вселяясь, счастлив злобный бес,
Наметив ум досужий в услуженье.

Кто мудрствует, над верою глумясь,
Цитируя бездумно из Писанья,
Того уловит в сеть рогатый князь,
Не испросив ни имени, ни званья.

Пустопорожней полнясь болтовнёй,
Нищает мир, любви в нём нету места.
Без веры жизнь – лишь хаос и разбой,
А человек – кусок сырого теста,

Не обожжённый глиняный горшок,
Сосуд греха, наполненный костями.
Умом-то крепок, только ум – с вершок,
Хоть деньги он черпать готов горстями.

Известно, проку от богатства пшик,
Мы все уйдём туда, где нет рассвета...
Кто истины благословляет миг,
Чья жизнь сияньем Господа согрета,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.